

СКАРЛЕТ
ТОМАС

ОРХИДЕЯ
СЪЕЛА
ИХ ВСЕХ

Scarlett Thomas

**The Seed
Collectors**

Скарлетт Томас
**Орхидея
съела их всех**

Роман

Перевод с английского
Ирины Филипповой

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Т56

This edition is published by arrangement with CANONGATE
BOOKS LTD. and THE VAN LEAR AGENCY LLC

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Томас, Скарлетт.

Т56 Орхидея съела их всех : роман / СКАРЛЕТТ ТОМАС; пер. с англ. И. Филипповой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 544 с.

ISBN 978-5-17-093544-4

Новый роман Скарлетт Томас — английской писательницы, снискавшей славу одного из лучших и самых оригинальных романистов современности, — это парадоксальная семейная сага, остроумная, увлекательная, с множеством граней смысла. Это роман о секретах ботаники и о загадочной связи между растениями и людьми, о сексе, о лабиринтах человеческого сознания, о волшебных книгах, об обретении вечной свободы ценой смерти. Роковые стручки с семенами, доставшиеся героям в наследство, обещают просветление. Но кто из них отважится шагнуть за пределы жизни и смерти?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093544-4

- © Scarlett Thomas, 2015
- © И. Филиппова, перевод на русский язык, 2017
- © З. Ящин, латтеринг, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО «Издательство АСТ», 2017
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Семейное древо

14

ПОХОРОНЫ

19

ДЕРЕВО ХОЛЛИ

141

ВНЕШНИЕ ГЕБРИДСКИЕ ОСТРОВА

293

ТРИАТЛОН

383

ПЛОД

455

Семейное древо (исправленное)

538

Благодарности

541

Сэму и Хари

Возложите на себя венки из плюща, возьмите тирсы в руки ваши и не удивляйтесь, если тигр и пантера, ласкаясь, прильнут к нашим коленям. Имейте только мужество стать теперь трагическими людьми: ибо вас ждет искупление.

Фридрих Ницше¹

1 Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки*.
Пер. Г. А. Рачинского. (Здесь и далее прим. перев.)

Ах, Подсолнух! как ты изнемог, —
Все ты Солнца шаги сосчитал,
А тот край золотой все далек,
Где скиталец устроит привал;

Дева, в саване белых снегов,
Юность, канувшая без следа,
В том краю восстают из гробов, —
И Подсолнух стремится туда.

Уильям Блейк¹

1 Блейк У. “Ах, Подсолнух!..” Пер. Д. Смирнова-Садовского.

Семейное древо

ЧАРЛЬЗ ЭМЕРИ АВГУСТУС

ТАРДНЕР

ОЛЕАНДРА
ТАРДНЕР

РОЗА ~ ~ ?
МЕДОУЗ

АВГУСТУС ~ ~ СЕСИЛИЯ
ТАРДНЕР ~ ~ ГРЕЙС

ФЛЁР
МЕДОУЗ

КЛЕМАТИС ~ ~ ОЛИВЕР
ТАРДНЕР

ЧАРЛЬЗ
ТАРДНЕР

~ ТИТА

Эмери Августус Чарльз ~ Беатрикс
ГАРДНЕР

ПЛАМ ~ Куинн
ГАРДНЕР

ЛАВАНДА ПЛАМ
ГАРДНЕР ГАРДНЕР

Бриония ~ Джеймс
ГАРДНЕР

Холли Эш
Крофт Крофт

ПОХОРОНЫ

Представьте себе дерево, которое умеет ходить. Ну да, ходить, по-настоящему. Думаете, такого на свете не бывает? Ошибаетесь. Есть пальма под названием “шагающее дерево”. Ее корни похожи на дреды, и они не зарыты в землю, а стелются по поверхности. Когда пальма понимает, что простояла на одном месте уже достаточно долго, она спокойненько выкорчевывает себя из земли и шагает прочь, как натерпевшаяся жена шагает прочь от мужа, и двигается тогда эта пальма медленно-медленно, со скоростью один метр в год. За то время, которое требуется ей, чтобы стремглав выбежать из комнаты, исчезают нации, люди умирают от старости, древние тайны перестают быть тайнами, а новорожденные младенцы вырастают и становятся кем-то из нас, и тогда мы...

Бриония¹ с детьми ушла, а Флёр² слушает радио. Ее подруга Клем Гарднер³ рассказывает в эфире о шагающем дереве — *Socratea exorrhiza* и о том, как непросто запечатлеть на пленке его перемещения. Потребовалось более десяти лет, чтобы снять, как дерево прошло пят-

1 Бриония, или переступень — род растений семейства тыквенных.

2 От франц. *fleur* — цветок.

3 Фамилия Гарднер (англ. *Gardener*) переводится как “садовник”. Клем — сокращенный вариант имени Клематис. В ботанике клематис (русское название — ломонос) — растение семейства лютиковых.

надцать метров: все это время оно стремилось выйти из тени лесопогрузочной базы, построенной поблизости. При ускоренном воспроизведении видно, что пальма отчаянно продвигается вперед, спотыкаясь и шатаясь, будто новорожденный или, наоборот, тот, кто вот-вот упадет замертво. А вообще шагающее дерево знает толк в путешествиях. Ему не нужно ни билетов, ни пересадок, оно не заполняет анкет и не дожидается визы. Не заталкивает в багажный отсек столько ручной клади, что та вываливается на головы других пассажиров. Оно просто знай себе шагает. Конечно, в документальной картине Клем “Пальма”, выдвинутой на премию “Оскар”, говорится о том, что собственный способ перемещения есть у большинства деревьев. Если они не ходят туда-сюда сами, то производят семена, которые переносят на новое место птицы, животные или мы, люди. И методы производства семян у иных растений просто удивительные. Талипотовая пальма (*Corypha umbraculifera*) живет больше ста лет и цветет только раз в жизни, но зато как! Ни одно другое растение на Земле не может тягаться с ней в пышности цветения, в этот единственный раз в жизни она покрывается миллионами цветов. Вот уж ничего не скажешь: забота о грядущем поколении. А еще на свете есть около двух тысяч четырехсот видов пальм, которые засыпают себя цветами буквально до смерти. Это называется гапаксантия...

— Вы хотите сказать, что они кончают жизнь самоубийством, производя слишком много цветов? — уточняет ведущая.

— Это довольно распространенное явление, — отвечает Клем. Голос у нее низкий, как будто доносится из-под воды. — Они тратят весь запас энергии на цве-

тение — или, другими словами, на попытку самовоспроизводства, — и у них больше не остается сил ни на что другое. Корни изнашиваются и погибают.

— То есть это происходит не только ради красоты?

— На самом деле, в природе ничего не происходит только ради красоты, — говорит Клем.

Флёр допивает чай. Это ее собственный сбор: сушеные розовые бутоны, пассифлора, корица и мед. Замечательно расслабляет. С тех пор как Бриония и дети уехали, Флёр стала добавлять в чай еще и щепотку опиума, который выращивает у себя в саду. Она выглядывает из окна величественного старика-коттеджа, который Олеандра подарила ей на совершеннолетие, и подносит антикварную чашку к клюву зарянки по кличке Робин — птица пережила семь последних зим только благодаря заботе Флёр. Робин склоняет голову вбок. Флёр не выходит из дома. Вот если бы она вышла поработать в саду, птице перепало бы блюдце живых червей или улиток. Но сегодня Флёр не станет садовничать. Придется зарядке обходиться сушеными фруктами, которые Флёр оставила в кормушке с вечера.

— Олеандра умерла, — говорит она Робину через стекло. — Да здравствует Олеандра.

И делает большой глоток чая.

Робин понимает и затягивает самую старую и печальную из всех своих песен.

— Мама?

Бриония привыкла к этому слову настолько, что уже почти не слышит его.

— Мам?

— Подожди-ка, Холл.

— Ладно. Но мам, можно я быстренько?

— Холли¹, я пытаюсь слушать Клем. Тебе бы тоже не помешало. Она все-таки твоя крестная.

— Знаю, знаю, и еще тысячеюродная тетка.

— Ничего не тысячеюродная, мы с ней двоюродные сестры!

— Можно было остаться у Флёр и послушать всем вместе.

— Да, но я думаю, Флёр хотелось побыть одной. К тому же нам все равно давно пора домой. Папа наверняка что-нибудь готовит на ужин. И уроки у тебя не сделаны.

Бриония делает радио громче, но Клем уже не слышно. Теперь рассказывают о каком-то парне, которого спасли где-то там, в Антарктическом Чили, что ли, Бриония не расслышала, Холли в этот момент как раз опять тянула свое “ма-ам!”. Формат радиопрограммы предполагает групповую дискуссию, но Бриония знает, что Клем, вероятнее всего, больше уже ничего не скажет. У нее еще в школе была такая привычка: произнесет одну умную вещь на уроке — и уплывает мыслями далеко-далеко, пока Бриония сидит и подчеркивает особо важные места в конспекте одним из трех своих флуоресцентных маркеров, а Флёр тренирует осознанность, тыкая себе в руку транспортиром. Иногда учитель биологии забывался и начинал говорить, как это грустно, что все три девочки так не похожи на своих матерей. Сказать по правде, в четырна-

¹ Имя Холли (англ. *Holly*) в переводе означает “падуб”, цветковое вечнозеленое дерево или кустарник.

дцать лет их матери — нежная красавица Грейс, отважная Плам¹ и легендарная Роза — тоже учились скверно и интересовались только “Роллинг Стоунз”, но теперь это быльем поросло, ведь такая подробность плохо вписывается в историю о том, как три подружки прославились на весь мир своими достижениями в области ботаники. Ну, почти на весь мир. Или, точнее, прославились почти на весь мир не достижениями в области ботаники, а тем, что исчезли, разыскивая чудесное растение, которого, вероятно, и в природе никогда не существовало. А может, оно-то их всех и погубило.

— Мапочка? Я ведь дерево? Она сказала, что люди непохожи на деревья, но я ведь в каком-то смысле дерево, правда?

— Да, Эш². Ты в каком-то смысле дерево.

— Во всяком случае, я уж, скорее, дерево, чем, например, деревня.

Когда сына у тебя зовут Эш и ты живешь в деревне под названием Эш, сначала это даже забавляет. Учтите, существует не так уж и много ботанических имен для мальчиков, к тому же при желании сын всегда может сделать вид, что Эш — это сокращение от Эшли, если вдруг ему надоест эта растительная история. Муж Брионии, Джеймс, трепетно относился к старой традиции семьи Гарднеров, и пришлось выбирать между Эшем и Роуэном³. Эш с тех пор не раз говорил, что они могли с таким же успехом выбрать имя Александр⁴, Вильямс⁵ или Джек (сокращенно от Джекфру-

1 От англ. *plum* — слива.

2 От англ. *ash* — ясень.

3 От англ. *rowan* — рябина.

4 Имеется в виду название сорта роз.

5 А это — сорт груши, который называется “вильямс”.

та¹), а Джеймс тогда заметил (это был, кажется, восьмой день рождения Эша или, может, седьмой): пускай, мол, Эш скажет “спасибо”, что его не назвали Пениоцереусом Полосатым, Лохом Узколистным, Эвкалиптом Манноносным или Клешней Омара, ведь все это, представьте себе, тоже растения.

Бриония и Джеймс понятия не имеют, в какие тупые разговоры приходится вступать Эшу чуть ли не каждый день, когда кто-нибудь в очередной раз спрашивает, почему его зовут Эш и живет он тоже в Эше, — можно подумать, он сам себя так назвал, в честь деревни. Когда получаешь имя в честь деда, или футболиста, или персонажа из кино, это еще куда ни шло. Но в честь деревни? Даже дети знают, что никого не называют в честь места жительства, если, конечно, ты не святой Августин, или какой-нибудь там святой Георгий, или святой Стефан — но и в таком случае ты сначала прославляешься, а уж потом люди называют в твою честь город. Вообще-то, когда вокруг никого нет, Эш потихоньку радуется, что его назвали именем дерева, обладающего магической силой. Но с ним редко такое случается, чтобы рядом никого не было. Он с ужасом ждет того времени, когда придется идти в среднюю школу в Сэндвиче или Кентербери — там все будут спрашивать, как его зовут и откуда он, и придется отвечать одинаково на оба вопроса, так что одноклассники наверняка примут его за недоразвитого. Он уже тренируется перед зеркалом: пожимает плечами и бросает небрежно: “Да так, из одной дурацкой деревни”, но получается пока не очень убе-

1 *Джекфрут* — другое название индийского хлебного дерева.

дительно. Может, в доме случится пожар — в удачный момент, когда внутри не окажется ни людей, ни кошек (что вообще-то невероятно, поскольку в доме у Эша всегда кто-нибудь есть) — и им придется переехать?

— У Клем не такие вкусные пирожные, как у Флёр, — говорит Холли. — И одевается она жуть до чего странно. Но это, наверное, из-за того, что она снимает документальное кино и...

— А Флёр, по-твоему, не странно одевается?

— Нет. Флёр — классная. Она носит платья. И находит необычные сочетания в одежде.

Бриония вздыхает:

— Ну конечно, всем ведь известно, что платья делают людей классными.

— Что ты хочешь сказать этим своим тоном?

— Каким своим тоном?

— Иронизируешь, что ли?

— Ты-то откуда знаешь про иронию?

— Э-э... Из школы, наверное? Ну и вообще, мам, ты ведь сама носишь платья.

Это правда, носит. Только Флёр одевается так, как модели в модных журналах или худящие кинозвезды, с которыми она работает, а у Брионии одежда совсем как у Холли, только крой получше и цвета потемнее: платья джерси, просторные свитера с леггинсами, и все — из магазинов “Бэкстейдж”, “Масаи” или “Оска”. Раньше Бриония считала такие наряды привилегией толстяков. Нет, понятное дело: размер S и даже XS есть у одежды любого стиля, но любопытно все-таки, зачем худым людям носить вещи с расширенной талией и асимметричными складками. Почти все, что носит в последнее время Бриония, стирается в машинке при

сорока градусах и не требует глажки. Бриония любит моду и стиль, а вот они ее — нет. Ей бы хотелось быть героиней Джейн Остин, а еще лучше — одной из своих бестолковых подружек, которые заботятся только о нарядах и отказываются выходить из дома в дождь, но для такого поведения Бриония толстовата. В этом сезоне в моде цветастые ткани и контрастные сочетания. Если ты тощая семнадцатилетняя девчонка, почему бы не нацепить зеленую юбку с красной кофтой? Но в возрасте Брионии контрастами лучше не увлекаться, а то люди подумают, что у тебя дома нет зеркала. А если принять во внимание еще и габариты Брионии, то в одежде контрастных цветов она будет похожа на арт-объект, построенный по госзаказу.

— Мам?

— Дай мне послушать.

— Может, послушаешь потом повтор программы, когда будешь заполнять дневник диеты? — предложила Холли. — Ну мам!

— Подожди.

— Мам? Сколько калорий в пирожном?

— В каком пирожном?

— Ну вот как в тех, которые испекла Флёр.

— Она их сама испекла? Я думала, купила. Погоди, она ведь, кажется, говорила, что их прислала Скай Тернер?

— Нет, мам, она сказала, что как-то раз Скай Тернер прислала ей пирожные. Но те, от Скай Тернер, были какие-то необычные, брауни с низким содержанием углеводов или что-то такое. А сегодняшние она сама испекла. Со всякими там пряностями, на магазинное совсем не похоже. Ну так сколько там калорий?

— Тебе можно не беспокоиться о калориях.

— Я не беспокоюсь, мне просто интересно.

— Думаю, примерно двести. Пирожные были довольно маленькие.

— То есть за один день можно съесть, типа...

Бриония бросила взгляд в зеркало заднего вида: Эш закатил глаза и стал похож на картофелину.

— Эш, не говори “типа”, — отрезала она. — Говори “примерно” или “приблизительно”.

— Типа семь с половиной пирожных, — подытожил Эш. — Круто.

— Да, но только если за весь день ты не съешь больше ничего другого, — уточнила Бриония.

— Круто, — прошептал Эш с восторгом.

— Сладости — это для малышей, — фыркнула Холли.

На вечеринке все девчонки делали себе бутерброды из белого хлеба с огромными кусками масла и медом и еще сверху посыпали все это сахаром, и никто из взрослых им слова не сказал. Взрослые были слишком заняты: курили в дальней части сада и обсуждали вопрос, с кем бы они, скорее, переспали — с пожарным или с анестезиологом, и смотрели фотографии из отпуска на чьем-то телефоне. Теперь у Холли внутри все как будто склеилось. А при мысли о съеденном сливочном масле (желтой блестящей поносине) хочется стошнить.

— Мам, как ты думаешь, сколько пирожных Флёр обычно съедает за день? Ну, или за неделю? Штук десять, пятьдесят или, скорее, сто? А, мам?

— Ты че, больная? Ты когда-нибудь слышала, чтобы человек мог за день съесть сто пирожных?

— Мам?

— Что? Ой, да кто ее знает. Я думаю, она просто пе-

чет их сразу побольше, а ест не так уж и много. По-моему, они ей нравятся скорее на вид, чем на вкус.

— Мама? — опять нудит Холли. — Так вот почему Флёр такая худая? Потому что только смотрит на пирожные, но не ест их?

— Ну откуда я знаю! Может, у нее просто хорошая наследственность. Она всегда была худой.

Хорошая наследственность. Так значит, вот в чем дело? А может, еще в том, что Флёр не ест чипсы огромными экономичными упаковками, пока никто не видит? А может, она, в отличие от Джеймса и Брионии, не выливает полбутылки оливкового масла в кастрюлю “здорового” овощного супа и, не в пример Джеймсу, не добавляет по три банки кокосового молока (шестьсот калорий на банку) в карри, которое готовит на ужин? Может, она до сих пор увлекается раздельным питанием, как бабушка Брионии Беатрикс, та самая, которая всегда говорит только “кушать” и никогда — “есть” и уже три Рождества подряд дарит Брионии какую-то особенную кулинарную книгу с акцентом на правильном сочетании продуктов. Правильное сочетание — это когда белки едят отдельно от углеводов. Ну, то есть никакого сыра бри с хрустящим хлебом, никакой жареной курочки с картошкой. У Брионии от одной только мысли об этом разгорается страшный аппетит.

— Мам? А у меня хорошая наследственность?

— Смотря чего ты от нее ждешь, от этой наследственности.

Они уже проехали Дил и теперь мчатся по главной дороге в направлении Сэндвича. День выдался теплый и ясный. Весна теперь уж точно не за горами. Справа, где-то за распластанными полями и деревенским пар-

ком, построенном на старом отвале угольной шахты, тянется Ла-Манш с его воздушными турбинами, парами и перелетными птицами. Слева — снова поля, утыканные пугалами. Вдали виднеются знакомые градирни старой электростанции в Ричборо, прижавшиеся друг к другу, будто три тетушки-толстушки, которые решили сделать перерыв на чай, да так и не вернулись к работе. Внезапно на поле слева Бриония видит какую-то штуку, зависшую над землей: она замерла над головами у пугал и не движется.

— Мам, чего ты останавливаешься? Ну-у-у!

— О боже. Мой. Мам, ну ты даже хуже папы!

Пока Бриония сворачивает на узкую дорожку, ведущую к ферме, дети размахивают руками и ногами, как будто попали в автокатастрофу.

— Смотрите, — тихо говорит она.

— Куда смотреть, мам?

Огромная хищная птица. Нависла над жертвой, такая прекрасная и... вот она, прямо здесь, у них перед носом. Бриония роется в голове, пытается вспомнить названия местных хищных птиц, о которых рассказывал ей Джеймс. Может, это какой-нибудь полевой лунь? Или болотный как его там? Пустельга? Нет, пустельга, наверное, водится только в Шотландии. Ничего, дома есть справочник. Может, они даже все вместе полистают его, когда вернуться.

— О, обязательно расскажем папе...

Бриония начинает вглядываться в черты птицы. И тут замечает проволоку, которая удерживает хищника в воздухе.

— Так на что смотреть-то? — переспрашивает Эш.

— Ни на что.